

**Институциональность и интеракциональность
парламентского дискурса**

Во французской традиции одним из первых термин «дискурс» для связной речи употребил Э. Бенвенист, обозначив им «речевое произведение (discours), которое возникает каждый раз, когда мы говорим» [1].

Э. Бенвенист эксплицитно разделил статику и динамику высказывания в терминах «énoncé» / «énonciation». Первое есть «текст», результат речевого акта, высказывание-предложение. Второе – «приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования» [Там же]. Бенвенист различает в высказывании-процессе три стороны: самый акт высказывания, ситуацию, в которой он реализуется и средства его реализации [Там же: 313].

Таким образом, текст – это статическое отражение процесса речи (дискурса) *hic et nunc* («здесь и сейчас»). Дискурс – это речь в процессе ее развертывания в контексте места и цели, т.е. в контексте ее институциональности.

В ряде более ранних работ понятия текст и дискурс скорее дополняли друг друга: «дискурс» понимался как связная последовательность предложений или речевых актов.

Начиная с 80-х гг. под дискурсом понимается сложное коммуникативное явление, для проникновения в сущность которого необходимо привлечение экстралингвистических факторов (знания о мире, мнения, установки, цели адресата). При таком понимании «дискурс» представляет также различные разновидности, или жанры, речи, при этом значимость имеют не только чисто языковые черты, стилистические особенности, специфика тематики и т.д., но и идеологическая окраска дискурса, связанная с разнообразием социальных институтов, национальных особенностей менталитета и речевого поведения. Ю.С. Степанов указывает, что дискурс при таком подходе представляет собой особое использование языка (например, русского) для выражения особой ментальности и особой идеологии [4].

По Т.А. ван Дейку, дискурс – это коммуникативное событие (communicative event). Как коммуникативное событие дискурс немислим без участников общения, что предполагает их взаимодействие (интеракцию) в социальных ситуациях. Поскольку дискурс – это коммуникативное событие, то в нем задействованы не только язык в его актуальном употреблении, а также те ментальные процессы, которые непременно имеют место в процессе коммуникации [2].

По мнению Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, «под дискурсом нужно понимать когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, с созданием речевого произведения. Дискурс следует рассматривать как «я процессуальное, деятельностное», т.е. как синхронно осуществляемый процесс рождения текста или же его восприятия (говорение, сказывание и т.д.)» [5: 19].

С позиции интеракциональной прагмалингвистики дискурс представляет собой речевое взаимодействие участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в процессе общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. Структурно-семантическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения (содержательная и формальная связность дискурса).

В когнитивной парадигме дискурс выступает в качестве социально обусловленной и культурно закрепленной системы рационально организованных правил взаимоотношения отдельных высказываний в структуре речевой деятельности. При этом «язык» можно соотнести с парадигматическим уровнем, задающим все многообразие выбора тех или иных средств вербализации, а «дискурс» – с синтагматическим, осуществляющим четкое ограничение и выбор необходимых средств из всего диапазона возможностей.

Понятие дискурса конкретизируется и уточняется посредством категории «дискурсивные практики», которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Данная категория подразумевает наличие в нашей повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков.

Таким образом, в общественной жизни мы нигде не сможем найти Дискурс как таковой, так же как и сам Язык, поскольку это лишь теоретически оформленная, идеализированная абстракция, но можем выделить и проанализировать условия развертывания различных дискурсивных практик, посредством которых и осуществляется речевая деятельность.

Изучение данных дискурсивных практик, особенностей их про-

изводства и функционирования в локальных контекстах, а также объединения на более глобальном уровне в «дискурсивные формации» (М. Фуко) – это и есть стратегия исследований языка и власти.

Понимание дискурса как сложного коммуникативного события при лингвистическом подходе становится более или менее устойчивым на настоящем этапе развития науки, как и различение понятий «дискурс» и «текст»: текст рассматривается лишь как часть дискурса, его знаковый продукт. Такая дихотомия коррелирует с дихотомией «высказывание/предложение». В этой дихотомии на первый план выступает процесс сказывания «здесь и сейчас», высказывание представляется как речевое действие, речевой акт.

Дискурс как совокупность речевых актов и действий представляется как процесс речевого взаимодействия, речевой интеракции. Таким образом, дискурс как многоаспектное явление отражается в тексте, который при определенной компетентности интерпретатора позволяет проникнуть в суть явления речевого взаимодействия в различных его аспектах.

Речевое взаимодействие есть отражение межличностных отношений собеседников. В основе структуры речевой интеракции лежит обмен репликами (речевыми ходами), основным условием которого является право собеседников взять слово для сообщения и прореагировать репликой на сообщение собеседника. Система речевого взаимодействия основана на «механизмах равновесия», которые отражают известный «Принцип сотрудничества» П. Грайса.

Как указывает В.З.Демьянков, «идеализированный кодекс прав и обязанностей» участников практического дискурса» может выглядеть так:

1) каждый, кто в состоянии что-либо сказать в данном общении, имеет право на выступление;

2) каждый имеет право поставить под вопрос любое из появляющихся высказываний, а также выразить свои установки, пожелания, нужды;

3) никому в рамках конкретного обсуждения не разрешается ущемлять названные первые два права других» [3: 330].

Можно выделить два типа правил организации речевой интеракции:

1) правила организации речевого взаимодействия, регулирующие передачу слова собеседнику, очередность вступления в коммуникацию, т.е. правила построения речевой интеракции – речевого взаимодействия;

2) правила, относящиеся к структурной организации речевого

взаимодействия, правила, определяющие взаимосвязь реплик внутри речевой интеракции.

Макрорегуляторы обеспечивают ритуальную организацию речевого взаимодействия – а) вступление в коммуникацию, поддержание речевого контакта, прерывание собеседника и несанкционированное речевое действие; б) передача слова собеседнику, выход из коммуникации.

Вступление в коммуникацию реализуется посредством двух групп интерактивных микрорегуляторов: иницирующих (про-активных) маркеров и реактивных маркеров.

При этом реактивные маркеры могут «привязывать» речевую ситуацию к деятельности, т.е. маркировать ситуативный неречевой стимул и последующее высказывание.

Вступление в коммуникацию сопровождается маркерами привлечения внимания, идентификации и признания собеседника, а также маркерами введения темы.

К маркерам вступления в коммуникацию примыкают маркеры взятия слова, перебивания собеседника и маркеры удержания речевой инициативы. Среди таких единиц – маркеры, фиксирующие момент «прихода мысли», извлечение импликации и т.д., т.е. момент идентификации референтного содержания. При этом начало речи может быть продолжением прерванного разговора.

Большинство маркеров вступления в коммуникацию является также маркерами смены темы разговора [2: 62-63], так как пропозициональное содержание (топик, фокус, тема, предметная ситуация) служит основной фундаментирующей сущностью коммуникации, составляет «ядро речевой ситуации» (В.Г. Гак).

Поэтому, как правило, смена темы представляет собой начало нового речевого обмена. Маркеры смены темы часто являются средством перебивания собеседника или вступления в речевой контакт:

Поддержание речевого контакта осуществляется маркерами, отражающими различные интерперсональные, иллокутивные и интерперсональные функции, выступающими с точки зрения дискурсивной организации интеракции в роли маркеров обратной связи (feed back).

К интегративным микрорегуляторам (связь элементов внутри высказывания) относятся интрадукторы, осуществляющие введение модуса высказывания – эмоционально-оценочного отношения говорящего к пропозиции собственного высказывания, а также коррекцию, связанную с предупреждением ложной интерпретации, введением рематического «нового», модифицирующего пропозициональное содержание («эффект обманутого ожидания» и т.п.).

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
2. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. № 4. Т. 40. С. 327-337.
4. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
5. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 48-62.